

Научная статья

УДК 800

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>

EDN: <https://elibrary/EIDREN>

ПОЭТИКА ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО СЛОВА: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЧАСТИЦЫ МОЛ

В.В. Фещенко

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

takovich2@gmail.com

Аннотация. В статье предложен корпусный анализ частицы *мол* как одного из дискурсивных маркеров, употребляемых в самых разных речевых практиках — от повседневной речи до художественных дискурсов. Целью исследования является выяснение того, как ксенопоказатель *мол* функционирует в художественном дискурсе на фоне его употребимости в обыденной речи и других типах речи. Основной материал представлен поэтическим дискурсом как наиболее экспериментальным и лингвокреативным из художественных дискурсов с точки зрения языковой нормы и узуа. Методология исследования — корпусно-дискурсивный анализ прагматических единиц. В данном исследовании используются ресурсы НКРЯ, а также наш собственный корпус современного поэтического дискурса. Анализ ксенопоказателя *мол* по различным подкорпусам русского языка показал большую частотность его употребления в художественном дискурсе по сравнению с корпусами нехудожественных текстов и нехудожественных типов речи. Подсчеты демонстрируют, что хождение частицы *мол* не угасло ни в разговорной речи современности, ни в художественном дискурсе последнего времени. Полученные данные подтверждают гипотезу о возросшей роли лингвопрагматического инструментария в новейшем поэтическом дискурсе по сравнению с поэтическими текстами предшествующих периодов. При этом в поэтическом дискурсе употребление ксенопоказателей не столь конвенционально, как в других дискурсах. Примеры неконвенционального использования частицы в поэзии XX–XXI веков показывают ее большую сочетаемостную свободу, а также способность к ресемантизации. В поэтических текстах намеренно используется создание неоднозначности, при которой слово *мол* может интерпретироваться сразу несколькими способами. Для поэтического дискурса, в особенности современного, зыбкость границ между своим и чужим оказывается продуктивным способом смысло- и тексто- порождения и — с помощью дискурсивных маркеров — средством реализации креативного потенциала языковой прагматики.

Ключевые слова: корпусная прагматика, ксенопоказатель, поэтический дискурс, корпусно-дискурсивный анализ, обыденная речь.

Для цитирования: Фещенко В.В. Поэтика эгоцентрического слова: корпусно-дискурсивный анализ частицы *мол* // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 146–165. DOI: 10.18721/JHSS.16310

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>

EGOCENTRIC PARTICULARS IN POETRY: A CORPUS-BASED DISCOURSE ANALYSIS OF THE RUSSIAN PARTICLE *МОЛ*

V.V. Feshchenko

Institute of Linguistics, RAS,
Moscow, Russian Federation

takovich2@gmail.com

Abstract. The article proposes a corpus analysis of the Russian particle *мол* as one of the discourse markers used in a variety of speech practices – from everyday speech to literary discourses. The aim of the study is to find out how the xeno-marker *мол* functions in literary discourse against the background of its usage in ordinary speech and other types of speech. The study mainly explores poetic discourse as the most experimental and linguo-creative of literary discourses from the point of view of the language norm and usage. The methodology of the study is a corpus-based discourse analysis of pragmatic units. This study uses the resources of the Russian National Corpus, as well as our own corpus of contemporary Russophone poetic discourse. The analysis of the xeno-marker *мол* in various subcorpora of the Russian language showed a higher frequency of its use in literary discourse compared to corpora of non-literary texts and other types of speech. Calculations demonstrate that the use of the particle *мол* has not died out either in modern colloquial speech or in recent literary discourse. The obtained data confirm the hypothesis about the increased role of linguopragmatic tools in contemporary poetic discourse compared to poetic texts of previous periods. At the same time, in poetic discourse, the use of xeno-markers, although frequent, is not as conventional as in other discourses. Examples of the unconventional use of the particle in poetry of the 20th – 21st centuries show its greater freedom of collocation, as well as the ability to resemantize. In poetic texts, the creation of ambiguity can be deliberately used, in which the word *мол* can be interpreted in several ways at once. For poetic discourse, especially contemporary one, the fragility of the boundaries between the self and the other turns out to be a productive way of generating meaning and text and – with the help of discourse markers – a means of actualizing the creative potential of linguistic pragmatics.

Keywords: corpus pragmatics, xeno-marker, poetic discourse, corpus-based discourse analysis, everyday speech.

Citation: Feshchenko V.V., Egocentric particulars in poetry: a corpus-based discourse analysis of the russian particle *мол*, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 146–165. DOI: 10.18721/JHSS.16310

Введение. Постановка проблемы

В прагматическом измерении языка действуют законы и отношения, связанные с оборотом языковых средств вокруг субъекта. Этот постулат, сформулированный для науки о языке лингвистом Ю.С. Степановым вслед за семиотиком Ч. Моррисом, продолжает доказывать свою актуальность в эпоху больших языковых данных. Казалось бы, огромные массивы текстов, преобразованные в корпуса, нивелировали роль уникального авторского высказывания в связи с моментом коммуникативного акта, т.е. с прагматикой. Однако при всей развитости корпусных исследований последнего времени прагматические средства языка и дискурса если и оказались труднее всего формализуемыми, то совсем не утратили своей значимости наряду с единицами других формальных и содержательных уровней текста и дискурса.

В самое последнее время прагматические маркеры в широком понимании изучаются уже и на материале больших корпусов. В числе изучаемых единиц особенно популярны сейчас дискурсивные слова¹. В данной статье будет предложен анализ частицы *мол* как одного из дискурсивных маркеров, употребляемых в самых разных речевых практиках – от обыденной повседневной

¹ См., например исследования [1; 2]. Обзор актуальной литературы по дискурсивным маркерам см. в [3].

речи до дискурсов художественной коммуникации. Выступая в качестве прагматической единицы, *мол* служит словом-эгоцентриком, оформляющим субъективную модальность высказывания. Попадая в художественную литературу, эта частица становится частью того, что Ю.С. Степанов называл «поэтикой эгоцентрических слов» [4, с. 257].

Нас будет интересовать, как прагматический маркер *мол* функционирует в художественном дискурсе на фоне его употребимости в обыденной речи и в других типах речи. Мы сосредоточим внимание на дискурсе поэтическом как в большей мере направленном на лингвокреативность и языковой эксперимент. Как заметил Ю.С. Степанов, природа семиотических, а значит, и прагматических проблем такова, что «они обнаруживают свою суть, будучи заострены до предела, в экстремальной проблемной ситуации или в остром художественном эксперименте» [4, с. 5]. Объектом нашего рассмотрения и будет художественный дискурс как эксперимент с прагматикой высказывания, предметом же – функционирование прагматической единицы *мол* по данным существующих языковых корпусов на русском языке.

История и современное состояние исследований

Частицам, в том числе интересующим нас маркерам косвенной речи как грамматическим явлениям посвящались научные статьи, начиная с 1960-х годов. Т.М. Николаева [5] уже в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода предложила описание типов ситуаций и типов функционирования частиц в основных славянских языках. Однако частицы косвенной речи не рассматривались в этой работе. Первую прагматическую трактовку их предложила Н.Д. Арутюнова, введя для данного класса прагматических явлений (частицы *де*, *дескать*, *мол* и подобные) термин «ксенопоказатели», т.е. «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [6, с. 437]². Их основная функция – в «маркировке присутствия Другого» [6, с. 448]. Однако это не всегда просто передача чужой речи, но часто и маркировка «скрытого смысла» чужого высказывания. Обращается внимание на то, что ксенопоказатели часто употребляются с глаголами речи и мысли, как в примерах из В. Даля: *Он говорит, я-де не пойду-де, хоть-де, что хошь делай; Он-де врет-де, а я-де перевираю-де*. Таким образом, заключается здесь, данные единицы маркируют не просто прямую или косвенную речь, а «вербализацию коммуникативного смысла речеповеденческого действия» [6, с. 444–445]. Подобные частицы входят в высказывание именно как речевые действия с определенным коммуникативным намерением, они «как бы превращают действие в речь» [6, с. 446]. Они выявляют, акцентируют «речеповеденческую цель» конкретного акта высказывания, и в этом смысле они метарефлексивны, т.е. служат не только коннекторами дискурса (метатекстуальными маркерами), но и показателями субъективной рефлексии по поводу приводимых слов.

Прагматические трактовки функционирования частиц-ксенопоказателей были поддержаны рядом исследователей. Были сделаны предположения о том, что частицы *мол* и *дескать* служат маркерами недостоверности, эпистемической модальности или эвиденциальности. Однако в ряде работ эти трактовки были оспорены. Так, Е.В. Падучева [8] предлагает семантическое толкование этих частиц и делает вывод о том, что *дескать* и *мол* главным образом выражают цитирование, при котором ответственность за содержание сказанного передается цитируемому лицу. Согласно А.Н. Баранову [9], частицы *мол* и *дескать* связаны с «расщеплением говорящего», при этом *мол* связано с удвоенной рефлексивностью, указывающей «на свое в чужом в своем».

Ведутся дискуссии о том, какой речевой акт стоит за употреблением ксенопоказателя: «цитатив», «инферентив», «ренарратив» и др. В частности, М.В. Копотов [10] называет *мол* «маркером ренарратива», а И.Б. Левонтина рассматривает целый спектр современных маркеров подобного типа (якобы, будто бы, ах, вот, типа, так и так, видите ли), связывая их с категорией

² Первая версия данной статьи Н.Д. Арутюновой вышла в 1992 году в составе коллективной монографии [7].

«пересказывательности» и отмечая, что под чужой речью здесь может пониматься и собственная речь говорящего субъекта, либо сказанная ранее, либо запланированная на будущее, либо просто оцениваемая «отстраненно», с другой позиции³. Ксенопоказатели, отмечается здесь же, выступают как «метатекстовые сигналы нарушения гомогенности речи, сигналы того, что текущий фрагмент претерпел какие-то манипуляции – в частности, был передан другому говорящему. <...> ...это средства определенного типа разметки, маркирующие снижение уровня авторизованности тех или иных фрагментов текста» [13, с. 54]. Такой же позиции придерживается и В.А. Плунгян [14], считающий *мол*, *дескать* и *якобы* маркерами ренарративности в большей степени, чем цитативности. Заметим, что исследование Плунгяна строится уже на материале данных Национального корпуса русского языка (далее – *НКРЯ*), т.е. с применением методов анализа больших данных (впрочем, без статистических выкладок). Диахронический анализ примеров из корпуса приводит к выводу о том, что данные частицы в последнее время становятся в большей степени модальными (показателями «субъективного щитирования») и в меньшей мере эвиденциальными и употребляются чаще всего для передачи трансформированного по сравнению с исходным текста. В частности, функцией частицы *мол* является «приблизительный пересказ первоначального текста»: «*Мол* в общем случае является просто сигналом того, что текст не воспроизводится говорящим точно: он некоторым образом трансформируется говорящим в соответствии с его коммуникативными задачами» [14, с. 7].

В целом выводы лингвистов сводятся к тому, что ксенопоказатели не утрачивают своей употребимости и прагматической эффективности как в разговорной речи, так и в художественной литературе на современном этапе. Частица *мол* является одним из наиболее распространенных в современном русском языке ксенопоказателей и дискурсивных маркеров. Для сравнения, *дескать* гораздо менее частотно: в Основном корпусе (далее – *ОК*) *НКРЯ* за все время для *мол* IPM (item per million – число употреблений на миллион) фиксируется 67,6, тогда как для *дескать* – 8,92, т.е. в семь с половиной раз меньше.

Все три традиционных ксенопоказателя в русском языке – *мол*, *де* и *дескать* – этимологически восходят к глаголам говорения (можно добавить в этот ряд еще и современный дискурсивный маркер *грит* (*грю*), образованный от *говорит* (*говорю*)). *Мол* образовалось в результате скороговорного усечения либо формы *молвит*, либо формы *молвил* (в диалектах фиксируются еще более краткие формы *мо* и *мл*). Прагматикализация этих частиц – давний процесс, восходящий к периоду не позднее XVII века. Интересно, что в белорусском и украинском языках этого усечения не произошло, и в качестве дискурсивов там и по сей день выступают глаголы третьего лица прошедшего времени *маўляў* и *мовляв* соответственно, ср. белорусские примеры из прозы С. Алексиевич: *Паказаў мне на галаву. маўляў, ты, друг, звіхнуўся; Усё маўляў, не-як уладзіца, як там яно будзе, але ўладзіца само па сабе, без ix, без іхняга ўдзелу;* и украинские из прозы С. Жадана: *Тут я попросив його розповісти детальніше, і він погодився, мовляв, окей, без проблем, це все давно в минулому, чому б і не розповісти; Гавріл ще здивувався, у чому тут, мовляв, переваги, але алкогольки потроху зібрались і можна було починати.* Из других славянских языков аналогичная форма ксенопоказателя существует в словенском: *češ* (сокращение от *hčeš* ‘хочешь’, т.е. в данном случае не от глагола говорения, а от модального глагола во втором лице). В большинстве европейских языков аналогов частицы *мол* не фиксируется, и в переводе с русского она передается, как правило, иными синтаксическими и прагматическими средствами.

Большинством общих толковых словарей *мол* характеризуется как разговорное, вводное слово, указывающее на чужую речь или на передачу косвенной речи. Например, у С. Ожегова определение значения частицы сводится лишь к пересказу чужой речи: «МОЛ², вводн. сл. и частица

³ В работе [11] отмечается, что ксенопоказатели, такие как *мол*, *дескать*, *типа*, в современной разговорной речи часто контаминируются, употребляются подряд, с целью подчеркнуть маркировку чужого, не собственного голоса или мнения. См. также данные по статистике ксенопоказателей в корпусе разговорной речи в [12].

(разг.). Употр. при передачи чужой речи, при ссылке на чужую речь⁴. Однако тем самым не формулируется отличие от синонимичных ей частиц *дескать*, *де* и некоторых других. Более нюансированное толкование дается в словаре, где выделяются одно общее и два частных значения: «МОЛ, част., разг. 1.0. Употр. для указания на то, что приводимые слова являются пересказом чужой речи или чужих мыслей... <...> 1.1. Употр. для указания на то, что приводимые слова сказаны самим говорящим, но в другое время. <...> 1.2. Употр. для указания на то, что приводимые слова объясняют значение указанного жеста, поведения...»⁵ В другом словаре эти значения суммируются в одном толковании: «Указывает на то, что сообщаемое является передачей чужой речи, чужих мыслей или слов говорящего, сказанных им в другое время: служит также для интерпретации жеста, поведения того, о ком рассказывается»⁶. При этом *мол* здесь имеет помету «метатекстовая частица», что указывает на ее роль в организации текста, устного или письменного.

Со времени написания этих словарных статей, впрочем, было выдвинуто несколько уточненных толкований *мол*, которые следовало бы учитывать при новых словарных описаниях. Вносят свои корректизы и корпусные данные и подсчеты, к анализу которых мы далее переходим.

Методология и методика исследования

Во многих работах, посвященных ксенопоказателям в русском языке, материалом выступают примеры из художественной литературы. Так, практически все иллюстрации в цитируемой выше статье Н.Д. Арутюновой взяты из русской классики, причем в период до Серебряного века; более современные литературные источники ею не привлекались. При этом исследователи, как правило, литературными примерами стремятся подтвердить свои тезисы, касающиеся языка в целом. Примеры из устной разговорной речи часто идут вперемешку с художественными, и отличие художественной речи от речи повседневной проводится редко. Реплики персонажей из романов и драм по умолчанию приравниваются к разговорным и общепринятым. В сущности же язык художественной литературы как минимум представляет собой особый функциональный стиль, подчас резко отличающийся от бытового стиля, а в коммуникативном рассмотрении является особым типом дискурса, главенствующей функцией языка в котором выступает функция эстетическая. Фраза, сочиненная писателем, – всегда результат эстетического задания автора и продукт авторского стиля. Учитывая это обстоятельство, целесообразнее было бы при анализе примеров из языка литературы акцентировать их дискурсивный статус как художественных. Род литературного дискурса – проза, драма или поэзия – также имеет значение. В каждом из них языковые средства, в том числе прагматические, реализуются в своих эстетических режимах. К примеру, в драматических текстах больше прямой речи в диалоговом режиме, в прозе больше несобственно-прямой речи и нарративного режима, а в поэзии высказывание наиболее монологично и зачастую авторкоммуникативно. Следовало бы ожидать, соответственно, большей частотности ксенопоказателей в дискурсе драмы, чем в прозе и поэзии. Кроме того, как эта статистика соотносится с бытованием частицы *мол* в дискурсе обыденного общения (как частного, так и публичного), и должен показать наш анализ.

Имея в виду указанные оговорки об особенностях разных дискурсов, мы в целях данного исследования обратимся к статистике и квазититативному анализу конкретных корпусов и подкорпусов литературного дискурса, чтобы выявить закономерности функционирования интересующего нас ксенопоказателя *мол* в дискурсах поэзии и прозы, а также в дискурсе обыденной коммуникации.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=МОЛ> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель; АСТ, 2003. С. 194.

⁶ Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин: Peter Lang, 1999. С. 86.

Особый фокус будет сделан на корпусах поэтических текстов, так как нашей основной задачей является корпусно-дискурсивный анализ поэтического дискурса как в существенной степени лингвоэкспериментального, т.е. допускающего авторские эксперименты на различных уровнях языка и текста⁷. Корпусно-дискурсивный анализ предполагает анализ не только массива языковых данных, но и обращение к конкретным текстам, содержащим вхождения языковых единиц⁸. В настоящее время активно развивается такое направление исследований, как корпусная прагматика⁹. В рамках этих направлений нами были предприняты шаги по изучению прагматических единиц в поэтическом дискурсе на материале составленного специально корпуса [18], там же подробно описана наша методика корпусного анализа поэтического дискурса. Ранее также при нашем участии проводилось основанное на корпусах текстов параметрическое исследование лингвокреативности в разных дискурсах (художественных, рекламных, политических, см. [19]). В настоящей статье мы придерживаемся методологии корпусно-прагматического анализа художественных дискурсов в рамках нового проекта «Лингвопрагматика художественных дискурсов» (участники О.В. Соколова, И.В. Зыкова и В.В. Фещенко, выполняется в Институте языкоznания РАН). Корпусно-дискурсивный анализ предполагает не только квантитативные данные, но и качественную интерпретацию конкретных примеров, т.е. дискурсивных контекстов, в которых функционируют языковые единицы, в том числе типовых контекстов, наиболее употребимых кластеров прагматических единиц, аномальных употреблений и т.д.

Корпусно-дискурсивный анализ предполагает в дополнение к обобщенной статистике по основным корпусам национальных языков специализированные подсчеты употребления языковых единиц в текстах конкретных речевых и литературных жанров (обыденный дискурс, публицистический дискурс, поэтический дискурс и т.д.) и модусов (устный и письменный дискурсы). В данном исследовании мы используем ресурсы НКРЯ, а также собственный корпус современного поэтического дискурса. НКРЯ из выделенных художественных корпусов содержит лишь поэтический подкорпус (далее – *ПК*), а корпус художественной прозы является составляющей ОК¹⁰. Поскольку ПК составлен в основном в целях стиховедческой разметки, в него включены преимущественно поэтические тексты силлабо-тонической системы стихосложения. Но современная русскоязычная поэзия не сводится лишь к метрически регулярной, кроме того, в ПК включены лишь некоторые канонические имена XVIII–XX веков, а поэзия XXI века, т.е. самая современная, представлена крайне скучно. Поэтому в целях корпусно-дискурсивного анализа нами составляется собственный рабочий корпус, который в перспективе должен охватить весь спектр современной поэзии на русском языке, с 1960-х годов до наших дней. Для настоящей статьи была взята выборка из этого корпуса, объемом в один миллион слов, представленная текстами ста авторов (по одной опубликованной в печати книге от автора), изданными с конца 1980-х годов по 2024 год. Данные этого Корпуса новейшей русскоязычной поэзии (далее – *КНРП*) будут сопоставлены с данными ПК и других подкорпусов НКРЯ с заданными параметрами по различным дискурсам.

Корпусной статистики по употреблению частицы *мол*, насколько нам известно, не проводилось, есть лишь анализ отдельных примеров из НКРЯ в статьях [13, 14], сопровождаемый

⁷ Поэтический текст в силу своей двойной горизонтально-вертикальной членности на строки и другие единицы стиха открыт к свободе языковых новшеств и аномалий в большей степени, нежели текст прозаический. Соответственно, языковой эксперимент указывает на высокую степень лингвокреативности в поэтическом (и особенно в авангардно-поэтическом) дискурсе по сравнению с другими типами дискурса. См. количественные и качественные данные по степени креативности в поэтическом дискурсе в сравнении с дискурсом рекламным на основе корпусов в статье [15].

⁸ О сочетании дискурсивного анализа текста с корпусными методами см. недавние обобщающие работы [16; 17].

⁹ См., например: *Corpus Pragmatics: A Handbook* / ed. by K. Ajmer, Ch. Rühlemann. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 480 p. DOI: 10.1017/CBO9781139057493; Rühlemann Ch. *Corpus Linguistics for Pragmatics: A Guide for Research*. London; New York: Routledge, 2019. 220 p.

¹⁰ Ср., например, в Корпусе текстов украинского языка (КОРПУС УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ) разделение по принципу стилей речи или дискурсов: научные тексты, публицистика, художественная проза, поэтический язык (обратим внимание, что поэзия обозначена как отдельный функциональный «язык» («поетична мова»)).

важными выводами относительно семантики ксенопоказателя *мол*. Однако художественные и нехудожественные примеры здесь опять-таки не разграничиваются¹¹.

По данным М.В. Копотева [10], частица *мол* начала письменное хождение в конце XVII века (в частности, приводится пример из Протопопа Аввакума). Согласно данным НКРЯ, первое вхождение в ОК датируется 1784 годом, что характерно, в художественном тексте сказового характера – «Сказке о тафтяной мушке» М. Чулкова: *Распустил по окрестным местам слух, что в воскресенье спустится, мол, с неба в костёл дух святой*. Уже в этом примере ксенопоказатель указывает на способ пересказа чужой речи с сомнением в достоверности: *распустил слух*. Начиная с текстов А. Грибоедова и Н. Гоголя 1830-х годов, фиксируются обильные вхождения частицы *мол* в художественных текстах, как прозаических, так и драматических. У Гоголя часто *мол* употребляется нарочито, для усиления перформативного эффекта высказываний персонажа, см. примеры из «Мертвых душ»: *Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и подсобакой разумеется Наполеон: «Смотри, мол, говорит, если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!» – и вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков; И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: «Да вот, мол, что!» Хотя он отбрал таким образом его кругом, обратив на него им же приданное название, и хотя выражение «вот, мол, что!» могло быть сильно, но, недовольный сим, он послал еще на него тайный донос.*

Обратимся теперь к нашему основному материалу – поэтическому дискурсу. Судя по данным ПК, первое вхождение интересующей нас частицы в поэтический текст относится к 1835 году, у П. Катенина в функции цитатива: *Он, как усердный делец и честный служивый, / Сыну всё показал: «Поправить, – мол, – надо». / Тот туда и сюда: «Без батюшки тестя / Мне-де нельзя; оно же вам, батюшка, трудно, / Мы уж кой-как...»* (себе на уме – «наплутуем»). Начиная с 1830-х годов, так же как и в художественной прозе, *мол* начинает активно функционировать в поэтических текстах. Рассмотрим теперь динамику частотности *мол* в широком диахроническом диапазоне. На графике (рис. 1) представлено распределение результатов поиска по датам за XIX–XX века. Интерпретацию мы предложим в следующем разделе, пока лишь заметим все возрастающую частотность *мол* от XIX к XXI веку. На сглаженном графике (рис. 2) это возрастание более наглядно. Аналогичная тенденция наблюдается и в динамике употреблений в других художественных дискурсах, отличных от поэтического (при задании параметра «художественные тексты» в ОК). При задании параметра «пьеса», впрочем, получаем не такой очевидный рост, скорее колебание на протяжении трех веков с некоторым угасанием в XX веке. В прозаических жанрах (роман, повесть, рассказ) динамика конгруэнтна с ПК. Такую же динамику возрастаания частотности демонстрирует ОК при задании параметра «некудожественные тексты». ПК демонстрирует аналогичную динамику (рис. 3).

Сравним теперь эти результаты с количественными показателями вхождений на миллион слов. По данным общей статистики ОК видно, что подавляющее большинство вхождений частицы *мол* приходится на категорию «художественная сфера функционирования» (60,96% от всех сфер), за ней следует публицистический дискурс и далее бытовая сфера, т.е. обыденный дискурс (табл. 1). По параметру же «тип текста» лидирует «роман» (27, 11%), по категории «жанр текста» – «нежанровая проза» (39,5%), по параметру «вид текста» – «художественный» текст (60,6% против 39,4% у «некудожественного»). Следовательно, большинство употреблений частицы встречается в прозаическом и драматургическом дискурсах (стихотворения в ОК не учитываются). Характерно, что в категории «тематика текста» лидирует «частная жизнь» (16,36%), что, очевидно, указывает на укорененность этого ксенопоказателя в обыденной коммуникации. Отметим также, что в публицистических текстах IPM частицы *мол* составляет 54, что близко к показателю в ПК. В текстах обиходно-бытовой сферы эта величина также

¹¹ Ср. также с корпусным анализом другого ксенопоказателя – *якобы* – в статье [20].

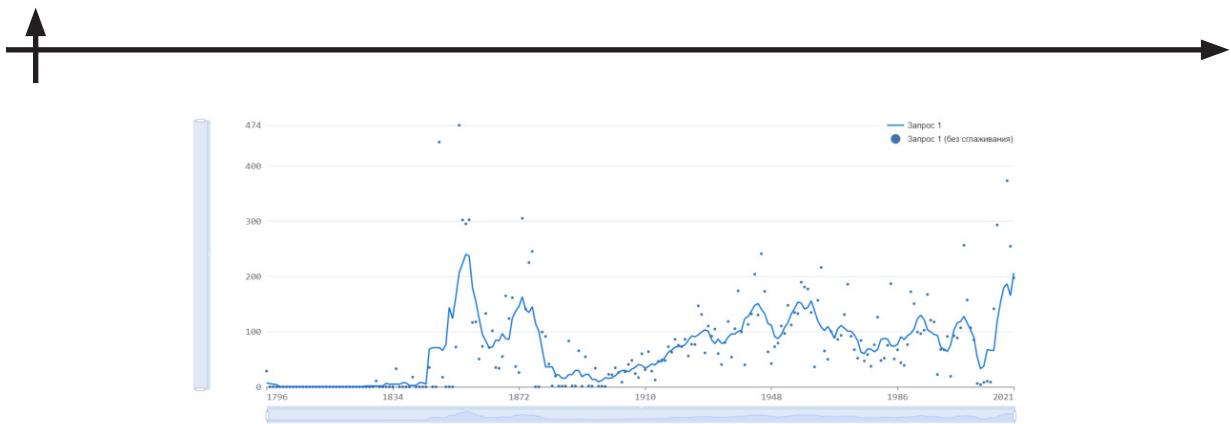

Рис. 1. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ОК НКРЯ за все время

Fig. 1. Distribution of search results for the particle *мол* in the MC RNC for all time

Рис. 2. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ОК НКРЯ за все время (сглаженный график)

Fig. 2. Distribution of search results for the *мол* particle in the MC RNC for all time (smoothed graph)

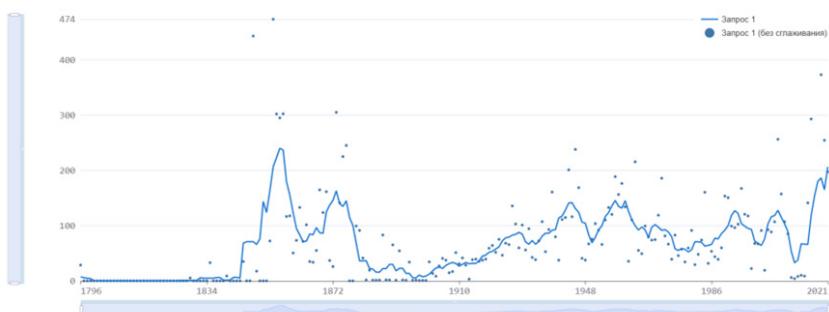

Рис. 3. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ПК НКРЯ за все время

Fig. 3. Distribution of search results for the particle *мол* in the RNC PC for the entire period

ожидаemo высока – 67,22, так как эта сфера наиболее близка к обыденному дискурсу. Тем не менее IPM по художественным текстам в ОК (за все время) существенно выше – 101.

Для анализа употребимости интересующего нас слова в разговорной речи как таковой (во внехудожественных контекстах) можно обратиться к Устному подкорпусу (далее – УК) НКРЯ. Однако он охватывает тексты лишь последних десятилетий и при этом включает в себя множество примеров из художественной речи, что вряд ли можно приравнять к обыденному дискурсу. Впрочем, параметр «нехудожественная речь» можно задать при поиске. Получаются следующие результаты.

**Таблица 1. Статистика распределения результатов поиска частицы *мол*
в ОК НКРЯ за все время по сферам употребления**
**Table 1. Statistics for the distribution of search results for the particle *мол*
in the MC RNC for all time by area of use**

№	Значение атрибута	Тексты	Вхождения	IPM
1	художественная	3230	16048 (60,96%)	100,78
2	публицистика	3093	7574 (28,77%)	54
3	бытовая	538	2266 (8,61%)	67,22
4	электронная коммуникация	117	281 (1,07%)	83,08
5	учебно-научная	112	229 (0,87%)	5,18
6	церковно-богословская	20	46 (0,17%)	8,7
7	реклама	10	10 (0,04%)	11,85
8	производственно-техническая	8	8 (0,03%)	4,88
9	официально-деловая	6	8 (0,03%)	1,49

В УК частица *мол* встречается 561 раз в 359 текстах (IPM равен 37,77, тогда как в ОК – 67,6). *Мол* фиксируется здесь, начиная с «Войны и мира» Л. Толстого, т.е. в контексте художественного чтения. В нехудожественной устной речи (т.е. по параметрам «устная публичная речь» и «устная непубличная речь») первый пример датируется 1975 годом, всего по этой категории обнаруживается 355 примеров на 11 млн слов, в художественной же (включая «авторское чтение», «театральную речь», «художественное чтение» и «речь кино») – 206 примеров на 4 млн слов, т.е. соотношение IPM таково: 31,97 к 51. Причем в публичной устной речи данный маркер встречается гораздо чаще; очевидно, это связано с необходимостью произвести больший pragmatischeskiy effekt на массу слушателей. Для оценки частотности языковой единицы в обыденной речи можно также привести данные подкорпуса социальных сетей (далее – СС) НКРЯ; в нем как раз практически исключены художественные контексты, а устно-письменный модус коммуникации в интернете максимально приближен к разговорному узусу. Кроме того, СС отражает в полной мере именно современное состояние обыденного дискурса, так как включает тексты последних трех десятилетий и больше УК по объему более чем в десять раз. Поиск показал, что в СС частица *мол* имеет 8826 вхождений в 6106 текстах (IPM равен 50,96), что является показателем значительно большим, чем в УК. Особеностей употребления *мол* в соцсетях мы еще коснемся ниже.

Сравним теперь данные из УК и СС с данными по художественным дискурсам. В категории «художественные тексты» ОК частица *мол* встречается 101 раз на миллион словоупотреблений. В ПК IPM равен 59. В составленном нами КНРП IPM равен 89. Обратим внимание на эту существенную разницу: индекс частотности *мол* в современной поэзии приближается к индексу в прозаическом и драматическом дискурсах. При этом он оказывается также гораздо (в 2–3 раза) выше аналогичных индексов в корпусах разговорной речи УК и СС.

Пользуясь фильтром «по дате создания» в НКРЯ, зададим далее идентичный временному промежутку для данного сравнения, что позволит увидеть статистику по дискурсам в синхронии (современный период (2001–2025), табл. 2). Наличие увеличение индексов частицы *мол* в художественных текстах в современную эпоху по сравнению с данными за все время (с XVIII века); особенно бросается в глаза рост показателя в ПК.

Наконец, снова воспользовавшись НКРЯ, приведем статистику по ОК и ПК в сравнении двух временных периодов: современного (1961–2025) и предшествующего ему (1895–1960), чтобы подтвердить или опровергнуть наше предположение о росте частотности *мол* в современных художественных дискурсах (аналогичную статистику по нехудожественной разговорной

**Таблица 2. Статистика вхождений (на миллион словоформ) частицы *мол*
в различных подкорпусах за 2001–2025 гг.**

**Table 2. Statistics of occurrences (per million word forms) of the particle *mol*
in various subcorpora for 2001–2025**

ПОДКОРПУС, данные за 2001–2025 гг.	IPM
ОК (художественные тексты)	122,28
ПК	96,602
КНРП	104,38
УК (с художественными текстами)	29,14
УК (без художественных текстов)	27,93
СС	50,96

**Таблица 3. Статистика вхождений (на миллион словоформ) частицы *мол*
в различных подкорпусах за 1895–1960 и 1961–2025 гг.**

**Table 3. Statistics of occurrences (per million word forms) of the particle *mol*
in various subcorpora for 1895–1960 and 1961–2025**

ПОДКОРПУС	Данные за 1895–1960 гг., IPM	Данные за 1961–2025 гг., IPM
ОК в целом	45,69	87,22
ОК (художественные тексты)	71,07	125,49
ПК	66,07	76,56
КНРП	нет данных	89

речи провести, к сожалению, невозможно, так как разговорные корпуса фиксируют речь лишь с 1960-х годов). Подсчеты свидетельствуют, что рост индекса по литературным дискурсам подтверждается, причем особенно явственно в случае художественной прозы и драмы (почти двухкратный рост). Отметим, что данные нашего КНРП выше, чем данные ПК, на десять пунктов; показатели по широкому спектру новейшей поэзии превышают индекс предыдущего периода (поэзия Серебряного века, авангарда и послевоенных десятилетий). Также знаменательно, что практически в два раза возросла употребимость частицы *мол* в целом по ОК, что говорит остойкой тенденции к распространенности частицы *мол* в современной речи, как художественной, так и иных регистров.

Можно заключить на данном этапе, что художественная речь и в наше время (как и в предыдущие два века) остается преимущественной сферой бытования прагматической единицы *мол*, причем в поэтическом дискурсе частотность ее продолжает расти именно в последние десятилетия и превышает ее частотность (приблизительно в два раза) даже в обыденном дискурсе. Однако лидером из всех дискурсов продолжает оставаться художественно-прозаический. Маркер *мол* продолжает иметь высокую эстетическую ценность в прагматическом арсенале художественных типов речи.

Обсуждение результатов исследования

Проведенные подсчеты по корпусам демонстрируют два, как кажется, нетривиальных количественных обстоятельства: 1) хотя ксенопоказатель *мол* характерен именно для разговорной, диалогической речи в обиходно-бытовой (обыденный дискурс) и публичной (публицистический дискурс) сферах, его использование наиболее частотно в художественной литературе

(литературный дискурс); 2) в современной речи эта тенденция только усиливается: как в прозаическом, так и в поэтическом дискурсах IPM для *мол* повышается по сравнению со статистикой предыдущих периодов.

Обратимся к качественной интерпретации данных результатов применительно к интересующему нас в данной работе поэтическому дискурсу. Как и в целом по данным ОК (рис. 1, 2), так в частности по данным ПК (рис. 3), частотность маркера *мол* возрастает от конца XVIII к началу XXI века неравномерно. Особые всплески наблюдаются в XIX веке, с 1840-х по 1870-е годы; затем наблюдается некоторый спад, и уже на протяжении XX века IPM постепенно растет. Наблюдаемый в середине XIX века (1856 год) острый пик, оказывается, связан с количеством употребления частицы *мол* у одного-единственного автора, Я. Никитина, тексты которого переполнены ксенопоказателями. Они употребляются явно нарочито (так, в одной только поэме «Кулак» встречается 9 *дескать* и 32 *мол*), для экспрессивной стилизации разговорной речи. Отметим, что в ОК (художественные тексты) также примерно на это время приходится весьма резкий рост; на поверку выясняется, что он связан с утрированным использованием *мол* в одном сборнике М. Салтыкова-Щедрина 1858 года.

Из поэтов XIX века самыми активными «пользователями» частицы *мол* являются Я. Никитин, А. Толстой и А. Майков. По-видимому, популярность ксенопоказателей разделялась всеми видами литературы середины XIX века (прозой, драмой, поэзией); связано это было, скорее всего, с попытками эстетически значимой стилизации живой разговорной речи. Следующим таким всплеском дискурсивных маркеров в литературных дискурсах стал послереволюционный период. Более всего из представленных в ПК текстов этого периода частица *мол* встречается у В. Маяковского и М. Цветаевой¹². В послевоенной литературе лидерами по этому показателю являются А. Твардовский и А. Галич. В авторской песне позднесоветского времени (особенно у В. Высоцкого, тексты которого, впрочем, в ПК, кажется, не включены) весьма частотны дискурсивные слова и конструкции из-за приближенности к стихии разговорной, интимной коммуникации. Что касается литературы XXI века, ПК выявляет таких лидеров, как М. Степанова, Ю. Гуголев, О. Чухонцев, в то время как наш КНРП – Д. Пригова, Д. Давыдова, М. Галину. Однако абсолютными лидерами среди всех русских поэтов по употребимости в текстах частицы *мол* являются А. Твардовский (75 примеров в ПК) и В. Маяковский (66 примеров в ПК). При этом если у Твардовского она, как правило, сигнализирует о контекстах дружеской, приватной коммуникации героев, то у Маяковского *мол* чаще всего – маркер массовой коммуникации между поэтом и публикой. Далее мы рассмотрим особенности и доминанты прагмасемантики ксенопоказателя *мол* в поэтических примерах из ПК и КНРП. Выделим наиболее типовые контексты, в которых употребляется данный маркер, уделив особое внимание неконвенциональным случаям (по сравнению с конвенциональностью в обыденной речи).

1. Употребление в качестве маркера ренарратива (передача или пересказ чьей-либо речи)

В обыденной речи, а также в публицистическом дискурсе основная функция *мол* состоит в передаче чужой речи, и акторы коммуникации, как правило, четко определены (кто пересказывает чью речь, обычно понятно всем коммуникантам). В поэтическом дискурсе коммуникация часто не имеет четких субъективных границ (кто пересказывает чью речь, остается думать читателю). Тем не менее контексты цитирования чужой речи частотны и для поэтических текстов, особенно в традиционной поэзии: *Интересней было б, / Кабы кто сказал: / Вот, мол, пьян Данила, / Вот, мол, загулял* (А. Твардовский); *Вадик Толяну весь магазин в живот / спяну всадил, мол, так тебе, пес, и надо* (О. Чухонцев). У В. Маяковского эти контексты связаны с экспрессивными вкраплениями агитационного дискурса и сопровождаются целым арсеналом формальных

¹² «Словарь языка русской поэзии XX века» приводит несколько десятков употреблений частицы *мол* по десяти авторам этой эпохи: Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 4: Кругл – М / отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: Знак, 2010. С. 569–570.

новшеств (паронимическая аттракция, окказионализмы и др.): *Товарищи, / бросим / замашки торгаши / – моя, мол, поэзия – / мой лабаз! – всё, что я сделал, / все это ваше – / рифмы, / темы, / дикция, / бас!; но индивидуум / не верит: / «А у меня / имеется, мол, / особое мненьице».*

В лирической поэзии при ее центрации на «я»-субъекте становится значимой ориентация на передачу не чужой, а своей речи. Это, разумеется, распространено и в повседневном обиходе, когда говорящий оценивает высказанные собой же мысли, поступки или слова. Однако в поэтической речи такая дискурсивная саморефлексия преследует эстетический смысл и направлена на внутренние уровни порождения и интерпретации текста. Во многом такая рефлексия связана с самой инстанцией «я» и его выраженностью в тексте. Так, в стихе С. Черного иронически передается «косвенность» дейктического маркера я в поэзии: *Когда поэт, описывая даму, / Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», / Здесь «я» не понимай, конечно, прямо – / Что, мол, под дамою скрывается поэт.* Современная поэзия, еще начиная с символизма XIX века, во многом ориентируется на принцип «Я – это другой» (высказанный Артуром Рембо), но начиная с XX века различные метаморфозы «я» и «другого», «своего» и «чужого» отражаются и на pragmatike поэтического высказывания.

В поэзии XX–XXI веков становятся очень частотными случаи передачи «своей же речи»: *Я бы / и агитки / вам доверить мог. Раз бы показал: / – вот так-то мол, / и так-то...; Я приду к нему, / я скажу ему: / «Вильсон, мол, / Вудро, / хочешь крови моей ведро?»* (В. Маяковский); *«Я-де, мол, старательно расчерчу, / Что ты тут передо мной ни развесь. / Развешиваю. Подавись. Чертесчур / Окно, чертесчур небо, чертесчур здесь»* (Г. Оболдуев); *Лететь до конца по почти что прямой кривой / и врыться в песок, без претензий, что я, мол, еще живой* (Б. Слуцкий); *Здравствуй – говорю – дружище / Узнаешь, мол? – Узнаю / Помнишь ли – я говорю / Как тебя чуть не сгубил я?* (Д. Пригов); *наступит конец – и что будут делать дети, / дети моих детей, мол, что я наделал?* (Х. Закиров); *Мне приснилось, что надо бы замкнуться до поры до времени, а там, мол, видно будет* (Л. Рубинштейн).

Своя речь, как видно из примеров, может остраняться и передаваться как высказанная либо в другое время, либо в другом состоянии, либо просто как отчужденная. В этой связи поэтический языковой материал убедительно подтверждает тезис А.Н. Баранова о том, что частица *мол* (в отличие от близкого ей маркера *дескать*) «фиксирует осознание близости чужого» и, более того, «свидетельствует об осознании своего в чужом, которое находится в своем» [9, с. 115]. В этом смысле она, действительно, вдвойне рефлексивна, так как не только маркирует *другую речь* (свою или чужую), но и дополнительно сигнализирует об этом отличии, об этой *другости*, в саморефлексии высказывающегося субъекта. Иногда в поэтических примерах из контекста неясно, передается ли своя речь или чужая: *Поэта / теснят / опереточные дивы, / теснят / киношный / размалеванный лист. / – Мы, мол, массой, / мы коллективом. / А вы кто?* (В. Маяковский). Может актуализироваться сам модус передачи сообщения, например «слушание»: *Я зашел, уснул, остался слушать, / Мол: на фронте! Тоже захотел? / Как израненная кровью пушка, / Где профессор резал потных тел.* (В. Кучерявкин). Из последних двух примеров нет однозначной маркировки, чья именно речь передается – говорящего или другого лица.

2. *Мол* как pragmatический маркер в составе метафоры

В поэтическом дискурсе в качестве цитируемого субъекта могут выступать объекты, образуя метафору. Можно сказать, что *мол* здесь используется и как показатель эвиденциальности, когда он передает чужое мнение и позволяет «говорящему» снять с себя эпистемическую ответственность, так как он не утверждает истинность сказанного. В некоторых случаях это сопряжено также с передачей иронической/отстраненной/непрямой оценки. Так, в роли «говорящих субъектов» в стихах могут выступать:

- «**моргающий маяк**»: *Поморгал — / и снова нет, / и опять зажегся свет. / Здесь, мол, тихо — / все суда / заплыvайте вот сюда*¹³ (В. Маяковский);
- «**презирающий портсигар**»: *A портсигар блестел / в окружающее с презрением: — / Эх, ты, мол, / природа!* (В. Маяковский);
- «**тверdzącyj стимул**»: *И я пою свобод / Великий стимул, / Который в нас живёт, / Твердя: «пу-сти, мол!»* (Г. Оболдуев);
- «**гравирующий штихель**»: *И гравирует штихель / Лбов медных стены — / De mortuis, мол, nihil / Помимо bene! / Как змий, мудёр, мол, / Хитёр, как сатана, / Умён, как бес: / Ну, прямо (вот-те на!)* (Г. Оболдуев);
- «**гласящий шрифт**»: *формально шрифт гласит мол «Воды. Семена» / в действительности он кричит «Воды!»* (С. Кирсанов);
- «**говорящие века**»: *Вот что говорят / века мне — / мол были / исчезли — / и все о них / забыли* (Г. Сапгир);
- «**подмигивающий глаз**»: *Замес бесовский крепок: / змеиное пьёт молоко, / заваривает в кипятке репейник, — / а глаз подмигивает: я, мол, око*¹⁴ (В. Гандельсман);
- «**поющая стрела**»: *Пела рана в груди у князя. / Или в ране его — стрела // Пела? — к милому не поспеть мол, / Пела, милого не отпеть —* (М. Цветаева).

Заметим также, что в текстах М. Цветаевой, наряду с мощной коммуникативной метафорой, мол используется в более свободном пунктуационном оформлении с целью экспрессии, маркируя эмоциональные оттенки передачи своей и чужой речи: — Небось, не расстаешь! Одна — мол — семья! — / Как будто и вправду — не женщина я!; И земли чужды пытаю, — / Ну, какова мол новь? — / Смеюсь, — все ты же, Русь святая, / Малиновая кровь!; Хлынет киль — / Хрип, кончающийся за морем /, что стерп / Мол с лица земли мол...; Знаю мол чья мол / Кровь в твоих жилах! Повторы частицы маркируют в этих примерах одновременно и разговорный регистр речи, и модальность интимной, исповедальной коммуникации, свойственной поэтике Цветаевой.

3. Ресемантизация и поэтическая этимологизация на основе частицы мол

В поэтических текстах XX–XXI веков с активизацией словотворческих экспериментов и формального изобретательства частица мол часто подвергается ресемантизации и поэтической этимологизации. Ресемантизация актуализирует, или «обнажает» исконную внутреннюю форму частицы мол как производной от глагола молвить: Гляди, мол, страна, как, молве вопреки, / Монарх о поэте печется! (В. Маяковский); того гляди промолвят мол / зачем пришел дай бог ушел (Д. Давыдов); встаёшь речь вста влена / в лен ность осью cross / cross река в рука врезь врось / в ром б / в мол влена (И. Краснопер). В последнем примере мол участвует в образовании неологизма вмолвлена.

Поэтическая этимологизация может идти вразрез с исторической лексикологией и паронимически сближать мол с глаголом молчать: Я, мол, ты, мол, мы, мол, баem, / Бусить бусы понимаем, / Любо тренькать дутым краем, — / Замолчать никак нельзя им (К. Бальмонт). В следующем примере частице мол предшествует сближенный с ней глагол молчать в аномальной сочетаемости молчать в лицо и молчать кому попало: Как будто смотришь, как растерянной толпой / Бегут, бегут молчать в лицо кому попало, / Мол, снова по стране пошел забой, / И радио «по коням» заиграло (В. Кучерявкин). В экспериментальной поэзии воображаемую ассоциацию мол и молчания может подключать фрагментация слова: млейта: уле уле тает убе убе гает / упо олзо ает / умо мол кает (С. Сигей); молчали меня молчали / молчали молчали / венчали меня кончали // меня мол / ча / ли / мол / ча / ли меня (Е. Мнацаканова); в отдалении стояла, лежала / п****ла, мол- / чаянием своим / по молчали и по молчали; за кожь / за кож дым усом. поле жсо / ли жсо. ле жса / жсолк. молк. у мол (И. Краснопер).

¹³ В данном стихотворении Маяковского очевидны автобиографические смыслы морских терминов маяк и мол. В этом примере частица может прочитываться и как существительное, что поддерживается семантическим контекстом «тихой гавани».

¹⁴ Отметим автонимное употребление частицы мол в данном примере, как часть поэтического каламбура.

Воображаемая этимологизация активизирует и аттракцию более далеких в семантическом отношении слов. Так, у В. Гандельсмана через *мол* сближаются корни слов *молодо* и *размолота*: — *И загадку жениху, мол, кто, мол, та, / что жена и дочь отцу, — и молодо / нам подмигивает так, — / а не отгадаешь, мол, размолота / твоя жисть, дурак*. Кроме того, семантическому сближению неродственных слов могут подвергаться омонимы, в частности *мол* как частица и *мол* как существительное. «Морская» семантика текста может создавать грамматическую и семантическую неоднозначность, при которой *мол* может прочитываться одновременно и как ксенопоказатель, и как имя существительное: *Ну дайте собачью голову / С открытою пастью — вот, мол, / Чтоб в зигзагах неба лилового / Я увидел морскую отмель* (И. Сельвинский); *С какою пальцу самолов / Умеет намекнуть без слов: / Вода, мол, вот и вся поимка. / Он сел на камень. Ни одна / Черта не выдала волненья, / С каким он погрузился в чтенье / Евангелья морского дна* (Б. Пастернак); *Мы без моря, мол, моряки,/ Без рыбы рыбаки: (Г. Оболдуев); Гор сияющие мамы / в белых шалях с баюромами, — / мол, теки, поток, теки / к ширине семьи-реки! (С. Кирсанов); О рыба розовая, лом-налым / осенний... / Рокот, мол, ночное море... / Уж месяц-мироносец мне не мил!* (В. Соснора). По аналогии с «аттракцией паронимической» можно в данном случае говорить об «омонимической аттракции», когда значения омонимичных единиц стягиваются друг к другу, вызывая семантическую (в данном случае еще и грамматическую) неоднозначность употребляемой единицы. Интересно, что значение существительного *мол* связано с «заграждением» какого-либо сооружения от морских волн. Ксенопоказатель *мол* также функционирует как hedge, или коммуникативная заслонка. Кажется, эту семантическую аналогию поэты могут закладывать в свой текст.

4. Маркировка «мерцающего субъекта» с помощью *мол*

Начиная с послевоенного андеграунда, *мол* все чаще появляется в поэтических контекстах без пунктуации, открывая свободу семантико-прагматических связей в тексте. У Д. Пригова часто *мол* выступает показателем иронии в адрес советского общества и его идеологии: *И между собою любовно шутили: / Идеологический вот мол объект; На этого бы Годунова / Да тот бы старый Годунов! / Не в смысле, чтобы Сталин снова. / А в смысле, чтобы ясность вновь. // А то разъездились балеты — / Мол, какие славные мы здесь! / Давно пора бы кончить это / Какие есть — такие есть*. У другого представителя концептуализма, Вс. Некрасова, *мол* включается в целый ассамбляж прагматических маркеров. Субъект здесь либо исчезает, либо «мерцает», но оставляет следы в виде дискурсивных маркеров: *вроде декабря / так это / а там / темнота / одна / одна / и другая / отдельно / в какой-то Мере / отдельно / и большой лай / ай да лай / немалый немалый / молодой / лай / давай давай мол / ты подумай / и опять / ты подумай*. От чьего лица произносится *давай давай мол* и кому предлагается «подумать», остается неясным, важен лишь сам коммуникативный акт высказывания в процессе его ритмического развертывания. Коммуникативная функция дискурсивных слов здесь подчиняется поэтической, сосредотачивающей внимание на «высказывательности» как таковой, как свойстве человеческой речи. Дискурсивные маркеры отсылают здесь не к субъектам, а к самому процессу создания и восприятия текста. В следующем тексте Некрасова «Непонятные стихи» автокоммуникация — еще и тема стихотворения: *Молчу молчу / Молчал молчал / Молчим молчим / Молчи молчи // Я думал думал / думал я мол думал я мол / думал ты мол думал ты мол / думал ты мол думал я мол / думал я мол думал ты мол / думал ты мол думал я мол / Мол думал мы мол думал ты. «Я» и «ты» становятся тут зеркальными, взаимозаменимыми эгоцентриками. В результате мантроподобного (или даже молитвенного) «бормотания» образуется окказионализм *ямол* — стяжение местоимения и частицы как знак слитности говорящего и его модуса говорения.*

Неологизация на основе дейтиков и ксенопоказателей имеет место и у других современных авторов. У В. Полозковой в результате этого процесса рождается целая серия неологизмы на основе местоимений *ты* и *тебя*: *Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче, / Рвуся на звук поцелуя,*

тембр – что мглы бездонней; / Я твой глупый пингвин – я робко прячу / Свое тело в утесах теплых твоих ладоней; // Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – степью, / А затылок – полярным кругом: там льды; that's it. / Я ученый: мне инфицировали бестебье. / Тебядефицит. // Ты встаешь рыбной костью в горле моем – мол, вот он я. / Рвешь сетчатку мне – как брускатку молотят взвод. / И – надцатого марта – я опять животное, / Кем-то подло раненое в живот. Маркер мол выступает здесь как речевой оператор переходов между субъективностями я, ты и он¹⁵. Трансформации лирического и грамматического субъекта иллюстрируют следующие примеры с дейктическим сдвигом: Ты страстями жила и дурью, / Ты носила себя навыворот... / Говорили тебе: мол, вы бы вот / Поутихли, чем сеять бурю (Т. Бек); Напевай: я в тебе – / мова, мова... / Мол, такая нездешняя и без крова / была. А потом все, к чему прикасалась, / растило ее подкидышей «я не я» – / ими-нами, этими именами и откликалось / на любой оклик: «мама», «огонь», «колос», / а по имени-отчеству – дом бытия... (С. Соловьев); Пусть волят: мол не я, не я! / Но Господь как молния – / в пламени от головы до пята! / Неистов! – / (по утверждению специалистов) (Г. Сапгир). Таким образом, отмеченное В.А. Плунгяном [14] значение частицы мол как показателя субъективной модальности в современном поэтическом дискурсе утрачивается и порой доводится до предела, когда сама идея субъективности ставится под вопрос и подвергается эксперименту.

5. Сближение поэтического дискурса с устно-письменным модусом повседневной коммуникации

Наконец, материал корпусного анализа позволяет сделать вывод о том, что тексты последних десятилетий открывают навстречу тенденциям в повседневной речи. В частности, это выражается в «освобождении» частицы мол от знаков препинания. Континуальный, слабо расчлененный поток речи, характерный для устно-письменной коммуникации эпохи Интернета, переносится и в поэтические тексты с использованием ксенопоказателей: *тот даже с горя спел по-итальянски / стена вслед упущенной добыче / в окошко тыча справку и печать / мол дескатъ que faro senza euridice / что дескатъ делать и с чего начать* (А. Цветков); *в среду днём позвонить что мол знаешь – скучаю / положить трубку выйти и посмотрев минут пять на проезжающие / машины сразу же позвонить ещё раз ещё раз сказать* (С. Львовский); и на кухню уже поэту не зайти / все локтями пихаются и шикают / тише мол не мешай / мы тут поэзию обсуждаем (Р. Осьминкин); *Аристофан троллит Гомера в сетях / мол в списке кораблей не нашел / мистралей / странно* (С. Бирюков); *ловеласы / бесцеремонно меняют лыжи / им не на что тратить пенёны / мол ваши друзья звуковые визуальные и семантические образы* (П. Жагун). Ср. с примерами из СС: *Спрашиваю у него мол как назовём котёнка; Мне пишет когда пытаюсь скакать вк или что-то от вк мол недоступно объект изменён; Уже даже квартиру купили, а она мол как я там одна жить буду.*

Как показал наш статистический анализ, частица мол достаточно частотна для устно-письменного дискурса общения в социальных сетях, ее IPM в СС (50,96) выше, чем в УК (29,14). Показатель же ее частотности в современной поэзии почти в два раза выше, чем в СС и в три раза выше, чем в УК – 89. Устно-письменные формы интернет-коммуникации с их телеграфным стилем явно влияют и на организацию поэтических текстов (см. об этом [22]). При этом вхождение дискурсивных маркеров, включая ксенопоказатели, в поэтический дискурс всегда связано с множественными обертонами значения этих единиц, иногда с наложением разных значений и функций, т.е. с эстетически значимым приращением смысла за счет всей семантической, грамматической и прагматической структуры стихотворения.

К поэтической функции эгоцентрических слов подключается часто и функция металингвистическая, когда содержанием стиха становится сама рефлексия по поводу языка, как в этом примере из стихотворения М. Дремова: *зубы, язык, застревающий при речевом акте, залитая воском, металлом или забитая аравийским песком гортань – всегда казалось, мол, прикольно шуршит,*

¹⁵ См. обсуждение этого примера с точки зрения «номадического субъекта» в статье [21, с. 120–121].

забавно гремит, позванивает. Обыденной устной речи или обиходному интернет-общению не свойственна рефлексия, затормаживающая восприятие говорящих-слушающих (метатекстовые маркеры употребляются скорее для связности речи, чем для глубокой рефлексии над ней). Это бывает в случаях языковой игры или комизма, но такие употребления в быту окказиональны, прагматически-сиюминуты и не несут эстетической ценности. В дискурсе обыденном *мол* в подавляющем большинстве случаев используется как «цитатив», реже – как выражение субъективной модальности. В отличие от поэтического дискурса, в обыденной («здравой») коммуникации субъект не бывает расщепленным. Обращение к своей речи оценочно-остраненно возможно (пример из соцсетей от первого лица: *Поначалу тоже переживал, мол некрасиво и может быть обидно например кому-то*), но все же функция передачи чужой речи здесь преувеличивается. В художественном дискурсе последнего времени, будь то поэзия, проза или драма, ксенопоказатели служат инструментом *отчуждения* своей и чужой речи, что согласуется с отмеченной Н.А. Николиной тенденцией «сделать передачу чужой речи графически как можно более неотчетливой и «сглаженной», максимально растворенной в потоке действительности» [23, с. 44]. Активное употребление в современной литературе дискурсивных слов как маркеров коммуникативной действительности – одно из следствий этой тенденции.

Заключение

Анализ ксенопоказателя *мол* по различным подкорпусам русского языка, таким образом, показал большую частотность его употребления в художественном дискурсе по сравнению с корпусами нехудожественных текстов и нехудожественных типов речи. Эта частица, указывающая на передачу чужой или своей речи, служит в художественной литературе выразительным прагматическим маркером, характеризующим субъекта в тексте (будь то рассказчик, персонаж, лирический герой, внутреннее «я», сам автор, читатель, какие-либо посторонние лица или даже «говорящие» предметы) с точки зрения манеры или модальности его высказывания. Часто она выступает «регулятором ритма» (как отмечалось в [6]) художественного повествования, драматургического диалога или поэтической просодии.

Наши подсчеты по корпусам художественных текстов НКРЯ и собственному корпусу современной русскоязычной поэзии убедительно демонстрируют, что хождение частицы *мол* не угасло ни в современной разговорной речи, ни в художественном дискурсе последнего времени. Это подтверждает данные В.А. Плунгяна о высокой частотности этого и других ксенопоказателей в корпусах современной речи, а также тезис Н.А. Николиной о том, что «современная письменная речь характеризуется активизацией употребления частиц *мол*, *де*, *дескать* в текстах разных стилей и жанров» и «наблюдается экспансия именно частицы *мол*» [23, с. 41]. По нашим подсчетам, как диахроническим, так и синхроническим, в первой четверти XXI века употребимость *мол* остается высокой, а в художественной литературе, в том числе в поэзии, продолжает возрастать. В ряде предыдущих работ [3; 18; 24; и др.], высказывалась гипотеза о возросшей роли лингвопрагматического инструментария в новейшем поэтическом дискурсе по сравнению с поэтическими текстами предшествующих периодов. Полученные в ходе настоящего корпусного анализа данные полностью подтверждают это предположение на примере одного из наиболее употребимых дискурсивных маркеров.

При этом в поэтическом дискурсе употребление ксенопоказателей хотя и частотно, но не столь конвенциально, как в других дискурсах. Примеры неконвенционального использования частицы в поэзии XX–XXI веков показывают ее большую сочетаемостную свободу, а также способность к ресемантизации (когда актуализируется этимологическое значение «молвы»). Поэтическая функция языка фокусирует внимание на самом сообщении, деавтоматизирует восприятие, а используемые ксенопоказатели, среди которых *мол* – самый распространенный, часто отстраняют сам способ говорения субъекта, а зачастую и остраниют,

отчуждают самого субъекта. В поэзии ксенопоказатели – в большей степени знаки «отчуждаемой речи» (по Н.Д. Арутюновой). Занимая «блуждающую позицию» в речи, они берутся на вооружение поэтами для презентации «блуждающей позиции» самого субъекта говорения. Маркер *мол* связывается не столько с говорящим и чужой речью, сколько с автоадресацией и самим способом оформления сообщения. В этой связи они более, чем в повседневной речи, служат «маркерами внутренней диалогичности текста» [25], динамизуя субъектную и образную структуру стихотворения.

В поэтических текстах намеренно используется создание неоднозначности, при которой слово *мол* может интерпретироваться сразу несколькими способами. Этого не допускает обыденная коммуникация с ее установкой на кооперативное речевое поведение. Поэтический дискурс не направлен на передачу сообщения здесь и сейчас с однозначной трактовкой, поэтому в нем часто снимаются оппозиции чужой и своей речи, эвиденциальности и модальности, коммуникации и автocomмуникации. В этом плане Н.Д. Арутюнова проницательно заметила, что частицы-ксенопоказатели не просто становятся маркерами чужой речи, но и «очерчивают границы анклавов на территории говорящего. Границы оказываются, впрочем, весьма зыбкими и проницаемыми: говорящий безнаказанно их нарушает, вторгаясь на чужую территорию» [6, с. 437]. Для поэтического дискурса, в особенности современного, эта зыбкость границ между *своим* и *чужим* оказывается продуктивным способом смысло- и тексто- порождения и – с помощью дискурсивных маркеров – средством реализации креативного потенциала языковой pragmatики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Fraser B.** What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31, Iss. 7. P. 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
2. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост. и отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
3. **Соколова О.В., Захаркин Е.В.** Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 328 с.
4. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Изд. стереотип. М.: URSS, 2021. 334 с.
5. **Николаева Т.М.** Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 169 с.
6. **Арутюнова Н.Д.** Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
7. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
8. **Падучева Е.В.** Показатели чужой речи: МОЛ и ДЕСКАТЬ // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13–19. DOI: 10.7868/S0000616-0-1
9. **Баранов А.Н.** Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкоznания. 1994. № 4. С. 114–124.
10. **Копотев М.В.** Эволюция русских маркеров ренarrатива: синтаксис или лексика? // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. 2014. № 10 (2). С. 712–740.
11. **Богданова-Бегларян Н.В.** Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. № 7. С. 14–19.
12. **Богданова-Бегларян Н.В.** Маркеры-ксенопоказатели в русской повседневной речи: аннотирование речевого корпуса, типология и количественные данные // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021». СПб., 2021. С. 183–190.
13. **Левонтина И.Б.** Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкоznания. 2020. № 3. С. 52–77. DOI: 10.31857/S0373658X0009413-3

14. **Плунгян В.А.** О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / hrsg. von B. Wiemer, V.A. Plungjan. München: Sagner. S. 285–311.
15. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Лингвокреативность авангарда: языковые функции в художественном и рекламном дискурсах // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 7–36. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-4-1
16. **Gillings M., Mautner G., Baker P.** Corpus-Assisted Discourse Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 78 p. DOI: 10.1017/9781009168144
17. **Чернявская В.Е., Хохлова М.В.** Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: Ленанд, 2024. 224 с.
18. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
19. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / под ред. И.В. Зыковой. М.: Р. Валент, 2021. 564 с.
20. **Апресян В.Ю., Шмелев А.Д.** «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Вып. 16 (23). С. 17–30.
21. **Фатеева Н.А.** К проблеме «номадического субъекта» в современной поэзии // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / сост. и ред. Х. Шталь, Е. Евграшкина. Berlin: Peter Lang, 2018. С. 117–128.
22. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Где граница между повседневным и поэтическим высказыванием? // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбилья): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 451–461.
23. **Николина Н.А.** Ксенопоказатели мол, де, дескать в современной русской речи // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Russologica. 2013. Vol. 6. S. 41–46.
24. **Feshchenko V.** The Performative Turn in Philosophy and Verbal Art: Moscow Conceptualism's Linguistic (Non-?)Creativity // Зборник Матице српске за славистику. 2020. Vol. 2020, No. 97. P. 87–104. DOI: 10.18485/ms_zmss.2020.97.6
25. **Ярыгина Е.С.** Чужое слово как способ аргументации: функции частиц мол, дескать, де в конструкциях вывода-обоснования // Русский язык в школе. 2016. № 2. С. 52–58.

REFERENCES

- [1] **Fraser B.**, What Are Discourse Markers?, Journal of Pragmatics. 31 (7) (1999) 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
- [2] Pragmatische markery russkoy povsednevnoy rechi [Pragmatic markers of Russian everyday speech], ed. by N.V. Bogdanova-Beglaryan, Nestor-History, St. Petersburg, 2021.
- [3] **Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V.**, Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [4] **Stepanov Yu.S.**, V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art], Publ. stereotype, URSS, Moscow, 2021.
- [5] **Nikolaeva T.M.**, Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov) [Functions of particles in the utterance (based on the material of Slavic languages)], Nauka, Moscow, 1985.
- [6] **Arutyunova N.D.**, Pokazateli chuzhoj rechi de, deskat', mol. K probleme interpretacii rechepovedencheskih aktov [Indicators of someone else's speech de, deskat', mol. On the problem of interpretation of speech behavioral acts], Jazyk o jazyke [Language about language: collection of articles], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 2000, pp. 437–452.
- [7] Chelovecheskiy faktor v jazyke. Kommunikatsiya, modalnost, deyksis [The human factor in language. Communication, modality, deixis], ed. by T.V. Bulygina, Nauka, Moscow, 1992.

- [8] **Paducheva E.V.**, Particles MOL and DESKAT' as markers of somebody else's speech, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 70 (3) (2011) 13–19. DOI: 10.7868/S0000616-0-1
- [9] **Baranov A.N.**, Remarks on the Russian words “deskat” and “mol”, *Voprosy Jazykoznanija*, 4 (1994) 114–124.
- [10] **Kopotev M.V.**, Evolyutsiya russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? [Evolution of Russian Renarrative Markers: Syntax or Lexicon?], *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*, 10 (2) (2014) 712–740.
- [11] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, One in the Field is not a Warrior: On the “Magnetizm” of Pragmatic Markers in the Russian Speech, *Socio- and psycholinguistic studies*, 7 (2019) 14–19.
- [12] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, ‘Xeno’-markers in Russian Everyday Speech: Annotation of the Speech Corpus, Typology and Quantitative Data, Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics – 2021”, St. Petersburg, 2021, pp. 183–190.
- [13] **Levontina I.B.**, The repertory of xenomarkers in Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 3 (2020) 52–77. DOI: 10.31857/S0373658X0009413-3
- [14] **Plungyan V.A.**, O pokazatelyakh chuzhoy rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: mol, yakoby i drugiye [On the Indicators of Foreign Speech and Unreliability in the Russian Language: Mol, Yakoby, and Others], *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*, hrsg. von B. Wiemer, V.A. Plungjan, Sagner, München, 2008, pp. 285–311.
- [15] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Linguistic creativity of the avant-garde: language functions in literary and advertising discourses, *Slovo.ru: Baltic accent*, 12 (4) (2021) 7–36. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-4-1
- [16] **Gillings M., Mautner G., Baker P.**, Corpus-assisted discourse studies, Cambridge University Press, Cambridge, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009168144>
- [17] **Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody [Discourse analysis of text and corpus methods], Lenand, Moscow, 2024.
- [18] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: a corpus-based discourse analysis, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3) (2024) 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [19] Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguocreativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities], ed. by I.V. Zykova, R. Valent, Moscow, 2021.
- [20] **Apresyan V.Yu., Shmelev A.D.**, “Xeno” Markers in the light of the data of Parallel Corpora and contemporary Mass Media: the Case of the Russian Word Jakoby, Computer linguistics and intellectual technologies, 16 (23) (2017) 17–30.
- [21] **Fateeva N.A.**, K probleme “nomadicheskogo subyekta” v sovremennoy poezii [On the Problem of the “Nomadic Subject” in Contemporary Poetry], Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The Subject in the Newest Russian-Language Poetry – Theory and Practice], comp. and ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018, pp. 117–128.
- [22] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Gde granitsa mezhdru povsednevnym i poeticheskim vyskazyvaniyem? [Where is the Boundary between Everyday and Poetic Utterances?], *Yazyk – tekst – diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu professora T.B. Radbilya)* [Language – text – discourse in the new conditions of communication (on the 60th anniversary of Professor T.B. Radbil)]: Collection of articles based on the materials of the International scientific conference, Nizhny Novgorod, 2024, pp. 451–461.
- [23] **Nikolina N.A.**, Xeno-indicators mol, de, deskat' in modern Russian speech, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Russologica*, 6 (2013) 41–46.
- [24] **Feshchenko V.**, The Performative Turn in Philosophy and Verbal Art: Moscow Conceptualism’s Linguistic (Non-?)Creativity, *Zbornik Matice Srpske Za Slavistiku – Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2020 (97) (2020) 87–104. DOI: 10.18485/ms_zmss.2020.97.6
- [25] **Yarygina E.S.**, Chuzhoye slovo kak sposob argumentatsii: funktsii chastits mol, deskat, de v konstruktsiyakh vyvoda-obosnovaniya [Someone Else’s Word as a Way of Argumentation: Functions of the Particles Mol, Deskat’, De in the Constructions of Inference-Justification], *Russian Language at School*, 2 (2016) 52–58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Фещенко Владимир Валентинович

Vladimir V. Feshchenko

E-mail: takovich2@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Поступила: 12.07.2025; Одобрена: 19.09.2025; Принята: 24.09.2025.

Submitted: 12.07.2025; Approved: 19.09.2025; Accepted: 24.09.2025.